

Международный конкурс имени П.И. Чайковского

Всего конкурсов - 1998
9 июля - с. 13.

Лев Наумов:

Эта система голосования оказалась настоящей удавкой

— Лев Николаевич, и каким же вы увидели XI конкурс Чайковского, сидя теперь в жюри?
— Мне понравилось, что, как «в старые добрые времена», мы заранее провели отборочное прослушивание российских участников. Но я пришел в ужас, когда мне показали список из 155 участников из разных стран, пианистов, никем не просеянных. В результате на конкурсе было 3 — 4 явно катастрофических случая. Когда я слушал таких пианистов, мне вспоминался Первый конкурс в 1958 году.
— Разве был такой низкий уровень на конкурсе, овеянном славой Клайберна?
— Конечно. Тогда играло много дилетантов, которых жюри останавливало колокольчиком — это было забавно. Некоторые приехали с папи-мамами. Виртуозный уровень теперь несравненно повысился. Но это только выявило недостатки тех, у кого за душой ничего нет. И все поняли, что король-то голый. Что в таком случае либо преобладает голова без эмоций, либо — при плохой голове — вылезает пошлость, «кишки наружу».
— Как вам новая система оценок? Насколько я понял, 25-балльная, складывалась средние баллы 1-го и 2-го туров, приплюсовались средние баллы 3-го — и в сумме из воздуха должен был образоваться лауреат первой премии.
— Эта система была полной неожиданностью для всех. Баллы были засекречены от нас с самого начала и до конца. Предполагалось, что в результате арифметических подсчетов сами собой «объектив-

но» выскочат шесть премий и два диплома. Я надеялся, что мы все же перейдем на человеческое общение. А нас уподобили спортивным судьям. Правда, на первом туре такая система принесла облегчение: трудно же было запомнить сто человек. Но на втором и третьем она стала тормозом. На второй тур планировали пропустить 40 человек, но столько не нашлось, и прошло 33. А, по-моему, достойных было еще меньше. Никто из членов жюри не знал, кто с какой суммой баллов прошел во второй тур. Нам продиктовали колонку сумм баллов в убывающем порядке и отдельно — отдельно! — список прошедших в порядке жеребьевки. Вот тут мне стало страшно. Как обычно, внутри жюри пианистов создали президиум, в который входили председатели Эшпай, два члена жюри и секретарь. Мне казалось бы логичным, чтобы баллы подсчитывали только нейтральные люди. И поэтому я был удивлен, что в президиум вошел Сергей Доренский, у которого столько учеников играло на конкурсе! Потому что в данном случае получилось, что одни члены жюри не знают ничего, а другие знают все, все баллы сразу — и можно моментально разработать стратегию! И когда после второго тура до нас стали доноситься обрывки каких-то разговоров — стало неприятно. И действительно, списки участников третьего тура оказались для меня непонятными: мы явно недосчитались здесь талантов, блеснувших на втором туре. А поделять уже ничего было нельзя.

— Почему произошел такой скандал с Алексеем Султановым? После его выступления на втором туре весь зал шумел, что это — первая премия. А он даже не прошел на третий тур!
— Мне трудно говорить о своих учениках в такой ситуации. Султанов — это моя боль. Он настолько талантлив, что его не могли не пропустить на третий тур! На первом он играл, может быть, менее удачно, но на втором... На нем как раз и сошлось ужасное сочетание всей этой инкогнитос-ти с системой отброса трех крайних очков...
— Объясните, как это?
— Если хотя бы четыре члена жюри ставят высшую оценку — 24 — 25 баллов, а остальные — ниже, и среднестатистический балл ниже высшей оценки на три очка, то эти самые высшие оценки (так же, как и самые нижние) отбрасываются, и подсчитывается новое среднестатистическое. И голосование этих четырех человек вообще не учитывается. Так, видимо, произошло с моими учениками Султановым и Тарасовым, получившим четвертую премию. Эта цифровая система оказалась настоящей удавкой. Какая-то газета написала, что я голосовал за Султанова. По правилам я действительно мог за него голосовать. Потому что он уже лет десять не имеет ко мне отношения, а педагогическая триада имеет право голосовать за ученика. Моя глупость состояла в том, что на первом туре я спросил у Эшпая, писать ли, что Султанов мой ученик? Да, конечно, сказал он. И я не голосовал.

Потом оказалось, что Эшпай меня не так понял, потому что я и мог, и должен был голосовать за Султанова. Для меня это была роковая ошибка.
— Лауреат первой премии Денис Мацуев попал в довольно унизи-тельную ситуацию, когда публика стала возмущаться англичанином Кемпфом, впадая в обычную уже для конкурса Чайковского истерику. Помните, на III конкурсе пуб-лика устроила скандал, когда первую премию дали 16-летне-му Грише Соколову, а зал тре-бовал, чтобы победителем при-знали Мишу Дихтера? И где теперь Миша Дихтер? А Гри-горий Соколов стал выдаю-щимся пианистом.
— Вы совершенно правы. Я, например, вспоминаю, как на II конкурсе Алеша Наседкин полчасика ходил по артистиче-ской и не мог выйти на сцену, потому что перед ним играл Джон Огдон, и зал сканди-ровал: «Пер-ва-я пре-ми-я!» Но Алеша все-таки собрался и прекрасно сыграл тогда концерт Брамса.
— Какая-то у нас слабость пе-ред иностранцами.
— Это своеобразный вызов публики жюри, которое не всегда справедливо. Меня и самого «толкало по иностран-цам» преследовала на XI кон-курсе. В этот раз Франция, Германия, Италия были очень плохо представлены. И особен-но в этом фоне Фредерик Кемпф на втором туре пора-зил меня своим обаянием. Это была просто находка конкур-са.
— Усанов говорил, что у него базового пианизма не хватает.
— Выражение «базовый пи-анизм» мне неизвестно и вы-

ФОТО НАТАЛИИ ПОЛИНОВОЙ

зывает странные ассоциации: «военные базы», «базис и над-стройка» и т.д. Кемпф иг-рает очень искренне. У него такая прелестная индивиду-альность, он очень «от себя» играет, благоговейно. В третьем концерте Рахманинова первая тема звучала превосходно, Кемпф сразу заставил себя слушать. Но от хорошего «зах-леба» он начинает постукивать. Увлекается мазками, которые не дают ощущения густого ле-гата. Когда на душевном пре-деле надо было «лететь», что-то будто мешало ему. Но, думаю, что он должен был получить, или, по крайней мере, поде-лить первую премию. У нас уже сложилась хорошая англис-кая традиция: Огдон — Лилл — Донохоу — Дулас. И я свя-зал их в одну цепь с Кемпфом. Во время конкурса мне знако-

мые говорили: «Ну-у, если вы не дадите Кемпфу первую пре-мию, тогда мы не знаем, что будет». Такие мне были «зака-зы».
— Склонны ли вы считать, что в итоге премии присуждены несправедливо?
— Нет, я и сам удивлен, что больших ошибок не произо-шло. В число высших победите-лей вошли талантливые люди. И Мацуев, и Руденко мне по-нравились. Руденко очень со-вершенен, может быть, он вообще самый совершенный, но говоря уже о том, что и самый опытный из всех поби-дителей. А на Дениса Мацуе-ва я обратил внимание дав-но, считая его самым ярким из учеников Доренского.
— Кто из членов жюри был вам особенно симпатичен?
— Я не всех знаю... Конечно,

и Эшпай, и Черны-Стефань-ска. Чудный был австриец Петер Лант — он сидел рядом со мной и вздрагивал тогда же, когда и я.
— Вы могли бы составить ги-потетическое идеальное жюри конкурса Чайковского?
— Вы хотите конкретные име-на? Нет, не возьмусь. Я веду очень замкнутый образ жиз-ни. Все время провожу в 29 классе (класс, где занимался Г. Г. Нейгауз. — Н. З.).
— Мне казалось, вы должны были бы выступить против конкурсов как таковых.
— Так оно и есть. Я ненавижу конкурсы. Но как, по-ваше-му, узнать, что есть на свете необыкновенный молодой пианист Икс? Разве что Ки-син обошелся без участия в конкурсах. Но я знаю мало ис-ключений за всю историю:

Софроникский, Глен Гульд, Станислав Нейгауз. Какой еще трамплин может быть, кроме конкурсов? Есть еще «Новые имена», они все-таки тоже помогают молодым талантам быть на виду. И все!
— Как поднять престиж наше-го конкурса?
— Может быть, надо заранее сообщать о нем лично моло-дым талантливым пианистам и их педагогам во всем мире.
— Напрягаем ли сильные ино-странные, а как же патри-отизм?
— По-моему, нам сейчас для поднятия престижа не хвата-ет уже сильных иностранцев. Хотя престиж конкурса все еще высок. А для нашей роди-ны это вообще святой кон-курс.
Беседовала
Наталья ЗИМЯНИНА

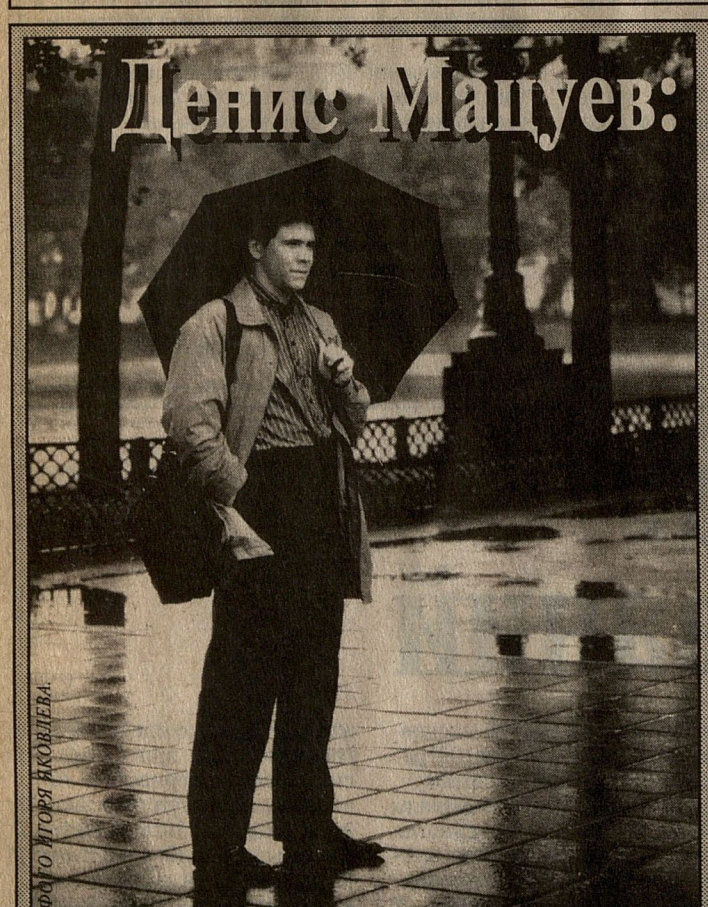

ФОТО ИГОРЯ КОКОШЕВА

Тайский король предложил мне сыграть в четыре руки

— Соседи швабры в потолок не стучат?
— Нет, слава Богу. Они меня любят. За стеной живет заме-чательный дядька. Он ко мне приходит и просит сыграть вальс из фильма «На семи ветрах» и еще «Полонез Огин-ского» — и я с удовольствием это делаю.
— А что тебе самому было при-ятнее всего исполнять на кон-курсе?
— Как ни странно, музыку Чайковского: «Баркаролу», «Думку» и Первый концерт, я его с десяти лет играю. Я выходил на сцену, видел портрет Чайковского и знал, что у меня все выучено. И можно было импровизиро-вать на сцене! Я вообще ста-рался по возможности импро-визировать — в хорошем смысле слова.
— Во время твоих выступле-ний казалось, что ты посмат-ривал на висящий портрет Чайковского...
— Правда, иногда посматри-вал и спрашивал: а вам нра-вится, что я делаю, Петр Иль-ич?
— А кто у тебя нелюбимый композитор?
— Ну я не могу так сказать... Я, например, не люблю иг-рать Брамса, хотя это гений. Просто у меня пока не лежит что-то, не получается.
— Неужели ты совсем не вол-новался во время конкурса?
— Не-е-е! Не дай Бог! Я представлял себе конкурс как концерт. Мне Бог дал абсо-лютно не волноваться на сцене. У меня, наоборот, внутри все начинало кипеть — с тех пор, как я в первый раз с ор-кестром вышел на сцену в восемь лет — так хочется побыстрее выйти и показать, что ты умеешь делать!
— А как ты настраиваешься перед ответственным выступле-нием?
— Я не настраиваюсь совсе-м. Рассказываю всякие истории за стеной. Вот был случай пе-ред вторым туром. Я за кули-сами перед выходом какой-то анекдот рассказывал, а мимо как раз мой педагог Сергей Доренский шел. Все смеются, а он (дико смеюно изображает голосом генерала Лебедева): «У-у! Ты чего смеешься? Тебе иг-рать сейчас, сосредотачивай-ся быстрее!»
— У непосвященной публики создается впечатление отлич-ной тусовки участников кон-курса за кулисами. Даже за-видно! Вы как-нибудь общаетесь друг с другом, с иностран-цами?
— Конечно! Мы все очень дружны. И при этом о конкур-се почти не говорим. И с Дим-кой (лауреат II премии Валдим Руденко — М.Ф.), и с Тара-сичем (лауреат IV премии Сергей Тарасов — М.Ф.). Се-рега вообще классный чувак и великолепный музыкант. И с тем же Кемпфом мы в нор-мальных отношениях.
— Кажется, он постоянно был какой-то замученный, не улы-бался никогда...
— Да нормальный парень! Просто, думаю, на него сва-лился успех, которого он сам не ожидал.
— Тебя не задевал бешеный успех конкурента?
— А почему это должно меня задевать? У него своя пуб-лика, у меня — своя.
— Как должен выглядеть му-зыкант XXI века?
— Сейчас, конечно, все воз-росло — и скорости, и техни-ческое оснащение пиани-стов. Хотя, послушав Рахма-нинова и Левина, я не могу сказать, что техника стала лучше. Я считаю, что в XXI веке пианист не должен сидеть на месте, чтобы не было так традиционно, как сейчас. Как бы там гениально ни было, все равно пора клас-сику раскручивать по-друго-му, может быть, снимая ори-гинальные клипы. Поставить не одну телекамеру, напри-мер, а десять или пятнадцать, пофантазировать со светом. И играть по-другому: не сидеть, как пеня (выразительно пока-зывает) весь концерт! Меня упрекали, что я — шоумен, подпрыгиваю, размахиваю руками... Но если бы я это де-лал неискренне, то сразу было бы видно.
— Где и кого ты уже победил?
— В Иоганнесбурге в 1993-м году я получил Гран-при. Только что в Париже — приз зрительских симпатий. Я вообще не хотел играть на Чайков-ского, все-таки конкурс очень

ответственный! А оказалось — все нормально. Очень добро-желательная атмосфера была в зале.
— Ты суверенный человек? Ве-ришь в астрологию, приметы, талисманы?
— Не-а, абсолютно!
— А были какие-нибудь пред-знаменования побед? Может, случилось что-нибудь?
— Снилось, что я слетел с первого тура. Я проснулся, спрашиваю: «Что-то я не по-нял я что, с первого слетел?» А мама говорит: «Да ты еще и не играл пока!»
— А вообще музыкальные кош-мары снятся?
— Бывает. Объявляют, что я выхожу исполнять концерт Брамса, которого я никогда в жизни не играл!
— Хоть ты и не веришь в звез-ды, всех очень заинтриговала «звезда по имени Мацуев» в со-звездии Лиры, названная в честь твоей победы...
— Это был перебор, хотя очень здорово и приятно.
— Кто твои соседи по созвез-дию?
— Не знаю. Меня куда-то в сторону закинули. Вообще-то сейчас, кажется, звезды Николая Петрова, Клайберна. Но они не в моем созвездии.
— Что купишь себе в первую очередь «с премией»?
— Я хочу купить и себе, и ро-дителям квартиры, потому что сейчас мы живем вместе.
— А предложение рекламиро-вать шампунь «Хел энд Шол-дерс» еще не поступило? У тебя шевелюра как раз подхо-дила!
— Да я бы и не согласился. А в качестве рекламы я хочу сде-лать что-то вроде клипа и кру-тить по телевизору. Потому что классика сейчас у нас в стра-не на нулевой раскручиваемос-ти.
— Ты считаешь, сейчас еще можно сделать что-то новое с фортепиано и для фортепиано?
— Почему нет? Хотя я считаю, что выше романтической музыки ничего нету и, наверно, не напишется в ближай-шее время. Потому что совре-менная музыка — это вот что (прижимает позу роденковской «Мастителя».)
— Это плохо?
— Это хорошо, но я не ска-

жу, что романтику играть лег-че. Многие переключаются на старинную музыку или на со-временную.
— А как ты относишься к со-временным обработкам «мо-дных» композиторов — Баха, Моцарта, Вивальди?
— Мне это не нравится. Я бы не изменял текста, который был когда-то написан. Я сам делал джазовые обработки на классические темы: Шопен, футу Баха... И на концерте лауреатов хотел джаз сыграть. А потом подумал: а зачем? Вель-есть лишний повод привязать-ся. Бывает, когда я занима-юсь, вдруг переключаются и играю два часа джаз, но по-том меня опять тянет обратно. Вот так я мучусь!
— Какая кассета сейчас стоит в плеере?
— Оскар Питерсон. Вообще я люблю очень многое. Я чело-век жадный на все — и на классику, и на рок, и даже на поп. Слушаю «Дип пепл», «Пинк Флойд», «Битлов», «Роллинг Стоунз».
— Объясни, пожалуйста, нам, тунным: участники на конкурсе тщательно выбирали, на каком роле играть: на «Стейнвей», «Каван» или «Ямахе», а в чем разница-то?
— Ну, «Стейнвей» — это, конечно, король. Когда видишь перед собой букровку «Стейн-вей энд Санз» — ну ты пони-маешь... Но на этом конкурсе «Стейнвей» был новый, аб-солютно не разогранный. На «Каван» можно было делать любые краски — хоть пылать пиано. Но там очень жест-кое форте, инструмент начин-ал звенеть. В этом отношении «Ямаха» оказалась самой сре-дней — на ней получалось все, что надо. А вообще я не люблю заниматься на хороших инструментах, потому что, не дай Бог, после хорошего бу-дет плохой. Лучше заниматься на каком-нибудь ужасном, расстроенном, главное, что-бы он был тугой. Зато когда потом выходишь на сцену — с хорошей акустикой, с хо-рошим инструментом...
— Что ты надеваешь или на-гиваешь, когда тебе очень хорошо?
— Если я иду по улице и мне очень хорошо, то я могу при-

мо на улице зорать, запры-гать. Я вообще очень люблю поарать, особенно в лесу — все птицы разлетаются.
— Ты помнишь, как в первый раз оказался за ролею?
— Сам не помню, но мама с папой говорят, что мне было года три, я подошел к ин-струменту и сыграл одним паль-цем тему «Манчестер-Ливер-пуль» (manchester-liver-pool) — ну, из «Погоды». И ро-дители сказали: «Опа!» (Папа Дениса — пианист и компо-зитор, мама — преподаватель фортепиано — М.Ф.).
— И с тех пор понеслось... Как проходило детство в Иркут-ске?
— Из меня делали такое оди-нородное чадо, но на самом де-ле я был абсолютно нормальным человеком — и в футбол иг-рал, и в войну, и по строй-кам бегал, и дрался. Дрался, кстати, дико любил! Один раз руку ломал, один раз палец... И дико не любил заниматься!
— Как учился в обычной шко-ле?
— Не-отличник. Пропускал уроки. Я ненавидел физику, химию, геометрию. Ничего в них не понимал. Но мне про-щали: я участвовал в художе-ственной самодеятельности школы — делал все, что ка-салось таперства.
— Получается, «Новые име-на» на тебя чисто случайно «напали»?
— Да! Они приехали в Ир-кутск кого-то другого слу-шать, какой-то ансамбль. А я на этот концерт, помню, со-всем не хотел идти. Я в фут-бол играл с компанией.
— Небось, на воротах стоял?
— Нет, я всегда центр-фор-вард!.. Но меня все-таки за-ставили пойти на концерт, и я играл какую-то свою джазо-вую штучку.
— Тебе сколько лет было?
— Пятнадцать. Причем тогда ко мне никто не подошел. Только через некоторое вре-мя меня позвали в Москву на передачу «Утренняя звезда» — там я тоже играл свой джаз. Ну а потом решил посреди года поступать в ЦМШ.
— И каково оказалось в Мос-кве?
— Мне повезло, что я сразу попал под «Новые имена»

меня стали раскручивать, были постоянные поездки, мастер-классы, стипендия... У меня появились свои ден-ги, я сразу поехал за грани-цу. За шесть лет оббежал 38 стран.
— Ты, наверное, со столькими великими людьми переобщал-ся... Говорят, ты знаком с Эн-дрю Ллойд Веббером. Как ты у него оказался?
— Опять же через «Новые имена». Я был первым клас-сическим пианистом на его фестивале в его собственном городке под Лондоном — Сидмонтоне. Там и поля, и луга, и замки, и лошади. Там и театры бывают, и рок-му-зыканты. Я сыграл ему сольный концерт в два отде-ления: Шопен, Лист, Рахма-нинов, Чайковский. А на бес- — собственную джазовую им-провизацию на темы из его опер. Ему понравилось, и на следующий год я поехал опять, хотя он два раза нико-го не приглашает. Он абсолю-то наш чувак по характеру. Одна из его последних опер — «Бульвар Сансет». Там есть темы просто потрясающие: русские, широкие. У нас с ним договоренность — мо-жет, что-нибудь вместе сделаем, запишем.
— А были какие-нибудь курь-езные встречи?
— На гастролях в Тайланде тайский король предложил мне сыграть в 4 руки.
— Где ты больше всего любишь выступать?
— Конечно, в Иркутске. Это единственное место, где я все-таки чувствую что-то вроде волнения. И меня там очень любят. Я и сейчас туда поеду. Возьмем с собой дру-гом яхту, соберем компан-ию, затаримся пивом и уедем на Байкал. Просыпа-емся утром, выходим на яхту, смотришь вниз — а там полтора километра глубина, и дно видно. Фантастика! Хотя я и не устал совсем. Всего три раза за месяц иг-рал на сцене — это же не-много. Я наоборот люблю больше нагрузки: напри-мер, сыграть в неделю шесть концертов. И то не устану.

Беседовала
Мария ФИЛИППЕНКО